

Примечания

¹ Брандт Р. // РФВ XXIII, 1890, 89.

² Szymański T. Derywacja czasowników onomatopeicznych i ekspresywnych w języku bułgarskim (= Polska Akademia Nauk. Prace językoznawcze 86). Wrocław, 1977, 113.

³ Согласно А. Брюкнеру, от *mięty* (Brückner 331), что неточно, так как суфф. *-osić* не образует отыменных глаголов.

Перевел с польского А.А. Калаинников

Л.В. Куркина

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВЕНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ

Современную словенистику отличает особый интерес к народным формам бытования языка, являющегося носителем культуры, хранителем народной памяти. В последние годы подготовлены и частично опубликованы исследования, посвященные описанию фонетического и грамматического строя отдельных диалектов и говоров словенского языка. Составной частью многих исследований такого рода стали словари, в которые вошла лексика, характерная для того или иного диалекта. Весьма активно развивается то направление в лексикографии, которое ориентировано на создание диалектных словарей дифференциального типа. Опубликованные и рукописные словари, а также диалектологические исследования вводят в научный оборот новый лексический материал, который во многих отношениях дополняет материалы словаря М. Плетеरшника. На словенской территории насчитывается 48 диалектов, каждый из которых представляет собой в определенном смысле самостоятельную систему со своими особенностями, частично унаследованными, частично сложившимися в эпоху самостоятельного развития словенского языка. В каждом диалекте есть архаичные явления и свои новообразования. Лексические архаизмы имеют разную хронологическую глубину. Точкой отсчета может быть современное или древнее состояние языка. Так, в исследовании, проведенном М. Орожен¹, выделен целый ряд семантических, словообразовательных архаизмов в словаре Ф. Эрьявца, материалы которого были использованы М. Плете́ршником при составлении “Словенско-немецкого словаря” (ср. *glun* ‘болото’, *lek* ‘талисман’, *prézati* ‘о перезревшем зерне, когда оно выпадает из колосьев’, *žilj* ‘веревка для коровы’, *šegetalo* ‘острога’ и т.п.). Особый интерес представляют архаизмы, унаследованные из

праславянского языка. В связи с этим особое значение приобретает введенное О.Н. Трубачевым понятие праславянского лексического диалектизма. На выявление в словенском словаре лексических архаизмов, восходящих к праславянской эпохе, были нацелены работы Ф. Безлай. К лексическим архаизмам, засвидетельствованным лишь на словенской территории, относят *súlti se* ‘дымиться’ ~ лтш. *svals*, *svala* ‘дым, чад’, лит. *svelti* ‘тлеть’ (Bezlaj. Eseji 167), *susati* ‘подозревать кого-л.’, связанное чередованием корневого вокализма с **sysati* (Bezlaj III, 343), *jádrna, já: dərno* ‘das Fressloch’ (Pleteršnik I, 354; Bovšk. 32) < **ěd(e)ra*,ср. др.-рус. ъдера ‘еда, пища’ (ЭССЯ 6, 39), *krgati* ‘капать, стекать’ < **kъrgati* (Bezlaj II, 86; ЭССЯ 13, 212), *oblok* ‘окно’ < **ohvyllokъ* и т.п.

Словенские диалекты содержат немало архаичных лексико-семантических явлений, расширяющих наши представления о семантике, словообразовательной и морфонологической структуре славянского слова. Словенские диалектизмы служат источником реконструкции слов, слабо сохранившихся или утраченных на славянской территории. В составе словенского словаря много немотивированных слов с затемненной словообразовательной структурой. В силу сложных фонетических преобразований, пережитых словенскими диалектами, одна из важных задач состоит в восстановлении исходной морфологической структуры словенских диалектизмов и определении на этом основании родственных связей, этимологических истоков слова в славянском словаре. Остановимся на некоторых лексико-семантических архаизмах словенских диалектов.

*Kijau*nk

Эта лексема, отмеченная в значении ‘свободное пространство для отступления обиженного, пострадавшего’ (Škrlep 36) < **kiјaučnīkъ*, неотделимая от микротоп. *Kijavič*, является одним из немногих свидетельств слав. **kiјava* в качестве обозначения пустого, свободного пространства:ср. польск. *kiјawa* ‘пустой, бесплодный участок в поле, неплодородное, голое место среди леса’, в XVI–XVII вв. ‘пустынная территория’, укр. гуцул. *күєва* ‘пустое безлюдное место’, бойк. *кýява* ‘пустое место’. Тот же апеллатив, вероятно, лежит в основе многочисленных славянских топонимов:ср. с.-хорв. *Kijava*, чеш. *Kijavý* и т.п. (Bezlaj II, 108; Sławski III, 323; ЭССЯ 13, 85). Слав. **kiјava* характеризует широкий круг значений, которые группируются вокруг нескольких семантических центров: 1 ‘возвышение’ (ср. польск. *kiјawu* мн. ‘пустая кочка’, укр. диал. *кýява* ‘крутоий холм’, *күевы* мн. ‘вершины гор’, польск. диал. *kiјa* ‘большой стог сена’), 2 ‘одинокий, уединенный, обособленный’ (ср. с.-хорв. *kýјava* ‘одинокий старый человек; уединенная местность’,

³ Этимология...

укр. диал. *ку́ява* ‘одинокая, бедная хата’), З словен. *kijav* ‘капризный, своенравный человек’ (ср. словин. *kičjöčnă* ‘плут, пройдоха’) и др. При объяснении этого этимологически трудного слова с широким разбросом значений многие исследователи исходят из предположения о звукоподражательной природе славянского слова (Ślawski III, 323; ЭССЯ 13, 86). Действительно, семантика слова, вобравшая в себя далеко отстоящие друг от друга значения, наводит на мысль, что какая-то часть продолжений слав. **kijava* восходит к звукоподражанию. Но такое объяснение далеко не исчерпывает все возможности внутреннего анализа. Открытой остается и другая возможность: в слав. **kijava* слились продолжения этимологически разных основ, в том числе и звукоподражательных. С некоторой долей вероятности можно предположить, что в гнезде слав. **kijava* присутствуют не только продолжения слав. **kijati* ‘murmure’ (ЭССЯ 13, 85), имеющие звукоописательную природу, для некоторых из образований вслед за Миклошичем² можно предположить родство с гл. **kovati*, *kujq*, который в славянских языках функционирует как термин кузнецкого производства. Такая семантическая специализация является славянским новообразованием. Исходное значение ‘бить’, вытесненное в славянских языках терминологическим употреблением глагола, находит отражение в индоевропейских соответствиях: ср. лит. *káuti* ‘бить, убивать, поражать’, лтш. *kaut* то же, др.-в.-нем. *houwan*, *hauwan* ‘рубить’, нем. *hauen* ‘рубить, бить’ (ЭССЯ 12, 11). На наш взгляд, именно этим первичным значением мотивирована семантика приведенных выше продолжений слав. **kijava*. В пользу этого могут быть приведены следующие факты. В статье, посвященной словен. гидр. *Kijavič*, Ф. Безлай приводит без указания источника польск. диал. *kujawice* ‘подмокший только что очищенный участок’ (Bezlaj. Sl. v. imena I, 318), а Нидерле (со ссылкой на Неринга) отмечает для слав. слова значение ‘корчевье’, которое прямо не подтверждается известными нам лексикографическими источниками³, но элементы этого “земледельческого” значения несомненно присутствуют в обозначениях пустого, бесплодного участка земли. Заметим, что термины земледелия складываются на основе семантической специализации лексико-семантических образований с основным значением ‘рубить, резать; ударять; драть’ (ср. рус. *порубка*, *драть новину* и т.п.)⁴. Через некоторые промежуточные ступени исходной семантикой мотивированы укр. *ку́евы* мн. ‘быстрые каменистые потоки’⁵ (семантически ср. рус. диал. *бой* ‘трудная дорога’, ‘быстрое, сильное течение в реке; место берега, куда ударяет течение реки; место с быстрым течением’), а также ‘возвышение’ (ср. рус. диал. *бой* ‘ветреное, открытое место, находящееся на возвышении’, *дор* ‘слегка возвышенная местность, поросшая строевым лесом’ – СРНГ 3, 66; 8, 129) и ‘капризный, своенравный’ (ср. семантически близкое рус.

бóйкий ‘смелый, ловкий, расторопный’, *дерябка* ‘задорная женщина, озорница’ – СРНГ 8, 31). При подсеке земля использовалась годами, а потом она истощалась и забрасывалась, на этом месте образовывалась пустошь, отсюда обозначение человека и дома по признаку местонахождения.

Plen

К древнему слою словенского словаря может быть отнесено свойственное преимущественно диалектам *plēn* м.р. ‘плодородие, урожайность’ (*Letos néma žito pléna, slame obilo, zrnja malo* ‘зерно не имеет прироста, соломы много, зерна мало’) (Erjavec 169: na Goriškem), ‘спорыня’, *pleníti* ‘быть плодородным, обильным (о фруктах)’, *plenjāv, plénjav* ‘урожайный’: *letos je plenjavo žito, daje mnogo zrnja* (Erjavec 56; Pleteršnik II, 56), *plenjavo: žito, ki ne da mnogo zrnja, je plenjavo*⁶. В “Словаре словенского литературного языка” с пометой “стар.” находим гл. *plénjati* ‘давать хороший урожай, процветать’ и производное от него прилаг. *plénjav, plenjāv* ‘о том, что хорошо рождает’:ср. *plenjavo drevo*. Глагол, употребляемый в качестве аграрного термина, обозначает количественный прирост зерна, ср. еще прилаг. *plénjav:* ср. *plenjavo žito* ‘у которого хорошее соотношение между зерном и мякиной’ и имена с преф. *iz- – izplén, izplén* ‘прибыль’: *v železarni so povečali izplen* (SSKJ III, 631; II, 141). Словенские архаизмы интересны тем, что обнаруживают точные или близкие лексико-семантические соответствия в славянских языках западного ареала: ср. польск. *plenić, plemić (się)* ‘плодить(ся), размножать(ся)’, ‘(о растениях) разрастаться, буйно расти’, ср. *niech się ród twój pleni, plenny*, стар. *pleni* ‘плодовитый, плодородный, урожайный’, ‘(о хлебе, колосьях) крупный, густой, пышный (о хлебах), богатый, полный’, *plon* ‘урожай; сбор’, персн. ‘плоды, результаты’, *plonek* ‘домовой’ (Варшавский словарь II, 230, 231), чеш. *plen* стар. ‘племя; плод’, ‘имение’, ‘изобилие’, ‘домовой, приносящий изобилие хлеба’, *pléniti* ‘размножаться’, *plenný*, также *plíný, plinný* ‘племенной, плодовитый; богатый, обильный’, ‘урожайный’ (*Pole plenné požitky přineslo, plinný maso* ‘дикое мясо’, ‘избыточные наросты’ (Kott II, 582; VII, 257), в.-луж. *plón* ‘дракон, змей’ (Pfuhl 469), н.-луж. *plon* ‘дракон, змей’, ‘урожай’ *pólski plon* ‘жатва, уборка хлеба’ (Muka II, 80). Не исключено, что ту же основу с корневым *o* отражают отмеченные на территории Карелии слова, передающие идею неполного развития: *одно-полónok* ‘мальчик или девочка в переходном от детства к юности возрасте; подросток’, *недо-полónok* ‘подросток’, ‘недоразвитый, умственно неполноценный человек’ (Сл. Карелии 4, 157; 3, 404). В составе продолжений праслав. **pelnъ* наряду с образованиями с семантикой плодовитости, изобилия представлена лексическая группа с

общим значением ‘добыча; плen’. Встает вопрос о характере отношений слов. **pelnъ* в значении ‘плодовитость, урожай’ и ‘добыча; неволя’: имеем ли мы дело изначально с омонимами или семантическим расщеплением генетически тождественных образований. Ф. Славский обратил внимание на семантическую близость, в частности, польск. *plenić, plemić (się)* ‘плодить(ся), размножать(ся)’ и балтийских слов⁷. Так или иначе все исходят из того, что исходную семантику определяет идея экономической выгоды, которая наиболее определенно выражена в балтийских соответствиях:ср. лит. *pelnas* ‘прибыль, доход, нажива’, *pelnai*, *pelnyti* ‘зарабатывать, выручать / выручить’, лтш. *pélyja* ‘заслуга; прибыль’, к ним примыкает др.-инд. *raṇas* ‘обещанная награда’ (Фасмер III, 314; Brückner 418–419; Machek² 457–458; Skok II, 683; Bezljaj III, 54; Snoj 453). На индоевропейском уровне балтийские образования вместе с греч. πωλέω ‘покупаю’, др.-в.-нем. *fāli* (< **fēlia-*) ‘продажный’ продолжают и.-е. **pel-*, для которого в словаре Покорного восстанавливается значение ‘купить; зарабатывать’ (Покорny I, 804). На славянской почве и.-е. корень расширен суф. *-no-*. Френкель ставит под сомнение правомерность включения в этот ряд др.-инд. *raṇas, ráṇate* ‘закупать; держать пари, биться об заклад’, поскольку для них допускается возможность заимствования из дравидских языков (Fraenkel 568). По-разному определяется характер семантических преобразований. П. Скок полагает, что в результате семантической специализации слов. **pelnъ* становится военным термином. Э. Бенвенист отмечает, что военнопленный обозначается по тому способу, каким он был захвачен. Слав. **pelnъ* ‘добыча’, **pelniti* ‘брать / взять в плен’ и ‘пленник’ с учетом всех приведенных и.-е. соответствий, по мысли Э. Бенвениста, как специализированный военный термин «указывает на связь идеи “добыча на войне” с идеей “экономическая прибыль”»⁸. Обзор этимологических версий будет неполным, если не упомянуть предложенное Коттом сближение слов. **pelnъ* с продолжениями слов. **pelv-* (Kott II, 582), семантику которого определяют значения ‘полоть’, ‘шелуха, отходы’ (Фасмер III, 312, 317). Против такого истолкования структура корня и семантика соотносимых основ.

Представляется, что при истолковании слов. **pelnъ* исследователи берут за основу вторичную семантику слов, употребление их в качестве специальных терминов войны. Большая вероятность того, что архаичные значения, исходное состояние семантики сохраняется в небольшой части западного и южного ареала. Контексты, иллюстрирующие употребление словенских, а также польских и чешских слов с семантикой наполнения, прироста, не исключают возможности иного истолкования исходной семантики и индоевропейских истоков славянского слова. Можно думать, что не ‘добыча’, а вполне определенно прослеживаемая семантика плодовитости стала от-

правным моментом в последующей семантической эволюции славянского слова в направлении ‘переполнение; избыток; то, что выходит за пределы обычного’ > ‘плодовитость, изобилие’ > ‘богатый, урожайный’ > ‘изобилие, избыток; то, что получают с применением силы’ > ‘добыча; плен’. В результате семантических преобразований перестраивается семантическая структура слова, происходит сдвиг в сторону значений ‘добыча’, ‘захват’. Во всяком случае такой семантический переход представляется более естественным, нежели традиционно принимаемое развитие в противоположном направлении: ‘добыча; плен’ > ‘наполнение; прирост зерна’. Эти обстоятельства наводят на мысль об иных генетических истоках слов. **pelnъ* на индоевропейском уровне. Как будто бы ничто не противоречит сближению слов. **pelnъ* ‘изобилие, плодовитость’ с гнездом слов. **plodъ*, **pletq*. Идею рождения, развития во всей полноте несет и.-е. *pel-* ‘наполнять; изобилие, избыток’, ставшее базой для большой группы образований со значением ‘полный’ (лит. *pilnas* ~ слов. **rylnъ*). В этом же гнезде у продолжений и.-е. *pel-* отмечено значение ‘производить, рождать’, ср. алб. *plot* ‘полный’ и *rjel* ‘рождать’ (?) (Pokorný I, 799)⁹. Вполне возможно, что словенские и зап.-слав. диалектизмы представляют одно из ответвлений семантического гнезда и.-е. **pel-*¹⁰. Восстановливаемое Покорным для и.-е. основы значения ‘купить; зарабатывать’ принадлежит к иной понятийной сфере, поскольку речь идет не о природном приросте, а о том, что связано с материальными приобретениями. Можно думать, что на праславянском уровне произошло семантическое расщепление некогда единой основы с первоначальной семантикой обильного роста.

Pomulíti se

Pomulíti se (Kenda), народ. ‘удалиться тихо, незаметно’, *ptomuljen clovek* ‘притворный, коварный, лукавый’ (SSKJ III, 808) на первый взгляд семантически выпадают из продолжений слов. **muliti* с характерными для него значениями ‘обрывать листья, ветки; лущить’ (ср. с.-хорв. диал. *múliti*, словен. *múliti*), ‘жевать’ (ср. чеш. *moulići*), ‘жать, давить, натирать’ (ср. рус. диал. *мұлить*), ‘надоедать, докучать’ (рус. *мұлить*) (ЭССЯ 20, 181–182). Следует заметить, что гл. **muliti* относится к числу этимологически трудных слов. В словаре Фасмера признаются неубедительными все существующие опыты истолкования глагола: 1. объяснение гл. **muliti* на основе сближения с лит. *mulvīti* ‘мучить, беспокоить’ (Miklosich 204); 2. соотнесение со слов. **mūlъ*: ср. с.-хорв. *mūl*, *múla* ‘вол; козел’, словен. *múl(ast)* ‘безрогий, безбородый’ (Miklosich 204; Skok II, 480) и т.д. (см. Фасмер III, 8). Требует дополнительного обоснования гипотеза М. Сноя об об-

разовании слав. **muliti* от неподтвержденного **mulъ*, которое сближается с греч. μῆλος ‘вид чеснока’, др.-инд. *mūla-* ‘корень’ и возводится к и.-е. **mo^uHlo-* с предполагаемым для него значением ‘растение, корень’ (Snoj 363).

При этимологизации глагола исследователи отталкиваются от одного из основных значений – ‘мять, жевать’. При более внимательном изучении материала оказывается, что это значение составляет лишь небольшую часть семантического спектра глагола. И есть основания думать, что это значение не является первичным. Остались незамеченными некоторые специфические значения глагола:ср. рус. *мұлить* ‘выпрашивать, выманивать’, *мулить* ‘обманывать; обманывать обещаниями, не выполнять обещанного’, ‘бездельничать; маяться от безделя?’, ‘склонять, располагать, манить’, *мұлиться* ‘сомневаться, колебаться, быть в нерешительности’, ‘биться, маяться’, *мулýжитъ* ‘намеренно держать, задерживать ко-го-л.; намеренно тянуть с чем-л.’ (СРНГ 18, 342–343), укр. *мұлитися* ‘проявлять нерешительность, колебаться’, ‘маяться, переминаться’, блр. диал. *мұліць*, *мұляць* ‘надоедать, докучать’, ‘настойчиво просить’, *мұліца* ‘не хотеть, не отважиться’, *мұляцца* ‘маяться, проявлять нерешительность’ и т.п. (ЭСБМ 7, 89; ЭССЯ 20, 181–183). При всей внешней расплывчатости и кажущейся неопределенности нетрудно заметить, что основу семантики гл. **muliti* составляет значение ‘двигать(ся) из стороны в сторону, туда-сюда, делать неопределенные движения’. Именно короткое скользящее движение определяет природу действий, обозначаемых этим глаголом в славянских языках, образ этого движения получает разное конкретное воплощение в зависимости от ситуации, от характера протекания действия: ‘двигать(ся) из стороны в сторону’ > ‘мять, жевать’, ‘делать движения, не имеющие четкой направленности’ > ‘возиться, копаться’, ‘медлить; маяться от безделя’. В конечном итоге неопределенное, скользящее движение переосмысливается как движение скрытое, незаметное, именно эту ступень и отражает словен. *potuliti se* ‘притаться’, ‘удалиться тихо, незаметно’, *potuljen človek* ‘притворный, коварный, лукавый’.

Príčen

Прилаг. *príčen* представлено в словаре Плетершика (со ссылкой на Ярника, Эрьявца и др.) в двух значениях – ‘настоящий, современный’ (ср. *prično leto*), ‘свежий’ (*prična voda*, *pričen kruh*, *prično mleko*) (Pleteršnik II, 300). В современном словенском языке это слово известно в значении ‘свежий, новый’ (ср. *príčen sneg* ‘новый, недавно выпавший’ – SSKJ IV, 113), в диалектных словарях это прилагательное используется для определения свежего молока: ср. *pri:čen*,

na, no ‘свежий (о молоке)’ (Bovšk. 50), *prično* ‘свежее’ (ср. *Səm riu prično mlieko* – Bovec 155). Нетрудно заметить, что во всех случаях определение прилагается к тому, что только появилось и имеет мягкую, рыхлую структуру (снег, молоко). К раскрытию исходной формы и возможных родственных связей слова, не получившего объяснения в “Этимологическом словаре словенского языка”, нас подводит отмеченное Ф. Новаком в белтинском диалекте преобразование *prhek* в *príjki*, -*a*, -*o* ‘рыхлый, ломкий, мягкий’ (ср. *príjka jábuka*; ср. еще *lanek* в *lějki* ‘легкий’) с производным от него гл. *spríčiti* ‘смягчать’ (Novak 117, 138). Словен. *pričen*, вероятно, представляет собой производное на -*ьпъ* от прилаг. *přhek*. Значение ‘современный’, не фиксируемое диалектными словарями, могло стать результатом позднего переосмысливания исходного значения ‘свежий’. Таким образом, в *pričen* имеет место вторичное суффиксальное расширение исходного прилагательного на -*ькъ*.

*Pristren

Прилаг. **pristren* ‘крутой, обрывистый’ приведено в словаре Безлай (Bezlaj III, 123) со ссылкой на засвидетельствованное в XVIII в. прилаг. *prístrēn*, -*a* ‘gäh, prægaptus’ (Pohlin). Для этого прилагательного допускается возможность соотнесения с *spreid stren* ‘praeraptus’ (Kastelec–Vorenc). М. Сной характеризует словен. **pristren* как изолированное образование, сложившееся на базе производного **pristr-enъ* < праслав. **pristrъ* или развившееся из **pris(k)nъ* (ср. чеш. *přísný* ‘крутой’, н.-луж. *písmy* ‘быстрый, скорый’) и **priskvěkъ* (словен. *prihek* ‘крутой’). В качестве альтернативы допускается возможность стяжения исходной формы **pri-ostrēn* (об остроконечной горе), от прилаг. *óster*. Предлагая такое сложное объяснение, автор оставляет без внимания отмеченную им же форму *spreid stren* (Kastelec–Vorenc), состоящую из сочетания предлога со *stren*, страдательного причастия на -*n* от гл. *stréti* ‘sternere’. В пользу такого понимания структуры словенского слова говорят чешские лексико-семантические образования, производные от гл. *přistřítí*, – *přistřený* ‘покрытый’, *přistření* ‘покрытие, прикрытие, покров’ (Kott II, 1096).

Ubrusíti se

Ubrusíti se ‘ослабеть’, ср. *človek se ubrusi* ‘человек ослабел, утрачил живость’ (Kenda 161; Temljine), явилось результатом семантического преобразования *brúsiti* ‘точить (напр. нож)’ в направлении > ‘стирать, счищивать (обувь)’ (Pleteršnik I, 67; ЭССЯ 3, 48) > ‘обтрапляться’, перен. ‘потерять физическую форму’. Ср. сходная эволю-

ция наблюдается в рус. диал. *обрусить* ‘вытесать брус’ > ‘оборвать, ощипать, снять листья, ягоды, семена и т.д.’, ‘обрубить сучья, ветки у дерева’ > *обрусеть* ‘стать заброшенным, прийти в запустение’ (Словарь Карелии 4, 112), *обруснеть* ‘опуститься, утратить опрятность, подтянутость’, ‘потерять стыд, совесть’, ‘стать безнадежным (о тяжело больном)’ (петерб., СРНГ 22, 213–214).

Zbərzdà:n

Прилаг. *zbərzdà:n, a, o* ‘большой насмешник, шутник’ (Bovšk. 69) относится к числу узколокальных изолированных лексическихialectизмов, не фиксируемых другими словарями. Слово интересно тем, что дает единственное свидетельство древней слабо сохранившейся основы **bъrzdъ* на словенской территории. Праслав. **bъrzdъ* (~ лит. *burzdùs, bruzdùs* ‘подвижный’), известное лишь отдельным славянским dialectам (ср. др.-рус., рус.-цслав. *борздо* ‘быстро’, ст.-блр. *борздыши, борздо* ‘быстро’, блр. *бóрзды* ‘быстрый, проворный’, с.-хорв. *brzadica* ‘место в реке, где вода быстро катится по камням; течение’), представляет собой dialectный дублет общеслав. **bъrzъ* ‘быстрый’ (ЭССЯ 3, 135; Słownik prasłowiański I, 427). Можно думать, что в словенском dialecte имеет место переосмысление основы.

* * *

В силу сложных фонетических преобразований многие лексические dialectизмы по своему внешнему виду далеко отстоят от исходной формы, нередко требуются дополнительные изыскания, чтобы определить морфемный состав, место, связи затемненных лексем в словарном составе языка. Выявляя исходную основу и соответственно принадлежность слова к тому или иному гнезду, мы получаем более полное представление о составе этимологических гнезд. Остановимся на некоторых лексических dialectизмах, почерпнутых нами из dialectных словарей последнего времени.

Ahíkn'tē ‘стать беззаботным’, *ahíkn'j'n* ‘заморенный; отупелый’ (Košír 9, 66) < **obvyknqtı* со значением, производным от ‘привычный’ > ‘обыкновенный’ > ‘спокойный’, отсюда ‘беззаботный’ и ‘уставший от однообразия’, ср. развитие семантики в том же направлении в рус. диал. *обычный, обычайный* ‘смиренный, кроткий, послушный’ и ‘своенравный, упрямый’ (СРНГ 22289, 290).

Blá:nja, отмеченное в Толминском kraе в значении ‘щека’ (Bovšk. 17), вероятно, так же, как и *blána* ‘пленка, кожица, пергамент’ из словаря Плетершника (со ссылкой на Ф. Миклошича), связано отношением производности со слав. **holna* ‘тонкая пленка, кожица’, ‘нечто набухшее, раздувшееся’ (ср. рус. диал. *болонá* ‘шишка, опухоль, нарост’ < **hol-nъ* ‘белый’ ~ лит. *bálnas* ‘светлый, белый’

(ЭССЯ 2, 176; *Słownik prasłowiański* 1, 308). Тем и другим значением ('нечто набухшее' и 'кожица, пленка') мотивирован сдвиг семантики в сторону значения 'щека'.

Grèdno, -oga 'капустник, сад с овощами в поле' (Novak 48), не отмеченное этимологическими словарями, – субстантивированная форма прилаг. с суф. *-ьпъ* от *grēda* 'балка', 'гряда' < **grēda*.

χùo:dørt 'хлев для мелкого скота' (Bovšk. 31), а также *gudrt* 'загон для скота, помещение в горах для пастухов и для производства сыра' (письменное сообщение С. Торкара), вероятно, построены по старой модели путем сложения двух основ – **gu-* (: **govědo*) и **dørtъ* (: **derti*),ср. **гутьно* из сложения **gu-* и формы от гл. **møti* (ЭССЯ 7, 175).

Krelati : krèlat 'железными граблями ровнять землю после боронования, разрыхлять землю и разбивать комья'¹¹, вероятно, экспрессивное узколокальное образование от *krelje* в уничижит. значении 'ноги' < *krēl'a*, мн. **krēli* (ср. с.-хорв. *krèla* 'жабры', словин. *křél* ' позвоночник; плавник рыбы' – ЭССЯ 12, 131).

'Kućjat (se) 'съежиться, скрочиться от мороза', ср. *su se 'kućle pər uegnje* 'сжаться у огня' (Jakomin 60) < **kučiti* ~ **kuka* (Bezlaj II, 106; ЭССЯ 13, 81).

Skúčti 'истолочь' (Novak 134) может быть поставлено в один ряд с с.-хорв. *kīcati* 'бить, колотить, стучать', болг. *кълцам* 'бить, разбивать на куски', блр. диал. *кóўчаць* 'жевать' < **kъlcati* (Bezlaj II, 55; ЭССЯ 13, 183).

Mezdeti : mázdet 'барахтаться', производн. *mæzduràt* 'беспокойный ребенок' (Karničar 186), вероятно, из *méziti* 'двигать, передвигать, приводить в движение, шевелить, трясти; быть беспокойным' с вставным *-d-* (Pleteršnik I, 579), этимологически тождественно др.-рус. *мѣзити* 'смежить, шурить', слав. **migati* (ЭССЯ 18, 232; 19, 26–28).

Náloka 'в мельнице деревянные гвозди, за которые цепляются пальцы внутреннего колеса и приводят камень в движение' (Pleteršnik I, 649), *nalok*: *ná:wq* 'Spindelstecken (Mühle)' (Karničar 192) < **na-loka*́, не отмеченное в этимологической литературе, расширяет состав продолжений слов. **lqkъ* ~ **lëkt'i* 'гнуть, сгибать' (ЭССЯ 16, 148–149).

В круг продолжений той же основы **lqk-* входят словен. *príloč* в значении 'Pflugsterze', а также диал. *príloč* 'ручка, рукоятка' (Novak 118) < **pri-lqčъ*, синонимы к *prírōč* (Pleteršnik II, 316), ср. словен. *lôk* 'дуга; смычок; лук (оружие)', *lôček* 'скрипичный смычок' (ЭССЯ 16, 148, 135).

'Naščet ‘тяготеть, стремиться к чему-л.’, ср. *necko je 'naščela za pet* ‘племянница очень хотела пить’ (Jakomin 78), вероятно, может быть сопоставлено со словен. *raščiti se* ‘трудиться, стараться’, рус. *тищиться* < **tъsk-* (Bezlaj III, 14). Это один из немногих примеров сочетания преф. *na-* с корнем **tъsk-*, ср. еще др.-рус. прилаг. *натъщь* ‘сильно желаемый, завидный’ (Срезневский II, 342).

Отсутствующее в словаре Плетершника *pí:tun*, *-a*, *-o* ‘прирученный, домашний’, *pí:tuno* нареч. ‘по-домашнему, сердечно, приветливо’ (Bovšk. 49), *pítoun* ‘приятный’, ‘животное, хорошо откормленное’ (Tolmin 194) связано отношением производности с гл. *pitati*.

Poprijéten ‘заразный, прилипчивый (о болезни)’ имеет структуру производного с суф. *-ьn* от прич. на *-t* (ср. *poprijéti*, *a*, *o* ‘наследуемый’) гл. *poprijéti* ‘начать’ (Novak 104) < **po-pri-eti*.

Posmùik ‘водоворот’ (Novak 105) при отмеченном в словаре Плетершника *posmùk* ‘das Abglitschen’ явилось результатом преобразования одного из значений *smùk* ‘прыжками, скачками’ (Pleteršnik II, 170, 524) в гнезде гл. *smukati*.

Pratek ‘ловкий, проворный’, ср. *nisen pratek* ‘еще ничем не обладает’ (Jakomin 96), по нашим наблюдениям, нигде более не отмеченное, скорее всего связано с гл. *práti*, *pérem* ‘бить, ударять’ и представляет собой производное от прич. на *-t* от этого глагола. Близкое по структуре и значению образование в болг. диал. *при́-прът* ‘быстрый, торопливый, нетерпеливый’ (Тетевен, БЕР 5, 730). Ср. семантически рус. диал. *бýтый* ‘расторопный, сообразительный’, прич. на *-t* от гл. *бить* (СРНГ 2, 300).

Pritosnik: *pərtóž:sjěq* ‘небольшой железный нож для рубки репы, кольраби’ (Karničar 340), как и зафиксированное в словаре Плетершника *pritósek* ‘нож без закрывления на конце’ (Pleteršnik II, 340), дает свидетельство основы с корневым *-o-*, связанной чередованием вокализма с гл. *tesati*¹².

Узколокальное словен. диал. *plàč* ‘желчный пузырь’ (Novak 71) едва ли связано с **plačь* ‘плач’ (Bezlaj III, 43). Скорее всего в названии получает отражение другая особенность – покрытие, не пропускающее желчь. Можно думать, что словен. *plàč* образовано при помощи суф. *-jь* от *plat* (ср. рус. диал. *плат* ‘попона’, ‘прочная, не пропускающая воду кожа сапог’, *платок* ‘обшивка’ – СРНГ 27, 94, 99).

Prègenòti ‘перестоять, перебродить, вылиться (о тесте)’ (Novak 111), вероятно, имеет ту же морфологическую структуру, что и отмеченный в словаре Плетершника гл. *pregenòti* ‘гнуть, сгибать; двигать’ (Pleteršnik II, 231), т.е. **per-gъb-nqtì*, и представляет конкретную реализацию одного из значений этого глагола, а именно ‘двигаться(ся)’.

Pr'pēt'nca ‘давка, толкотня’ (Košir 53) < *pri-pēt-ъnica сложилось на базе гл. *pēti.

Sük ‘спешка’, ср. *tákši sük je töi* ‘так он спешил, торопился’ (Novak 143), ср. чеш. *suk* ‘своенравный, упрямый’ (Kott III, 756), позволяет шире и полнее представить преобразования семантики в рамках гнезда слав. **sukati* ‘сучить’, ср. *sük* ‘вращение’ (Pleteršnik II, 600). К этому же гнезду относится и диал. *osükñcā* (< **obsukъnica*) ‘оспа’ (Jakop 52), не отмеченное Плетершником.

**Skrotnja*: *skrûætne nastane* ‘при рубке леса, когда ствол начинает падать, опасно, если во время не отскочить’ (ср. *ana skrûætne ȳa jē parîðla*) (Tominec 202), вероятно, из **sъkrqt-ъnja*, далее к **krqtъ(jy)*, ср. рус. диал. *krûtenъ* ‘водоворот’, *krutéль* то же и ‘трудные обстоятельства’ (СРНГ 15, 324).

Ščiéštę (se) экспр. ‘уничтожить, исчезнуть, убраться’ (Bovšk. 58) и, вероятно, связанное с ним *sčežeti* ‘бежать, мчаться по наклону’ из **jbz-čeznqtı* (Bezlaj I, 81).

Upérštę ‘утомиться, ослабеть, обессилеть’ (Bovšk. 66), вероятно, соотносительно с **þryxati*/**þryxiti*, ср. развитие семантики в том же направлении в рус. диал. *nérxlik* ‘неплодородная почва’, *nériševetъ* ‘коробиться, делаться неровным’ (Сл. Среднего Урала IV, 22).

Wærzè:lja в значении ‘живая граница, густой беспорядочный кустарник’ (Bovšk. 69), а также *vrzl'na* ‘плетень из подвижных планок’, ‘часть ограды’ (Košir 63) являются диалектной реализацией отмеченного в словаре Плетершика *vrzél*, *vrzélā* в качестве названия живой изгороди, пролома в плетне, отверстия вообще (Pleteršnik II, 802), производного с суф. *-ela* от гл. **vyrzti* ‘плести’ (ср. брл. *vъrzicъ*)¹³. Название плетеной изгороди перенесено на кустарник, выполняющий функцию изгороди, межи, своеобразной границы. Словообразовательный вариант с суф. *-ěja*, *-eňь* в рус. диал. *верзéя* ‘пролом в изгороди’, ‘изгородь из лежащих кольев (огорожены выгоны, поля)’ (костр., СРНГ 4, 146), *vérzénъ* ‘мочалка из бересты’ (Сл. Карелии I, 177).

Zalepek: *za'lē:pak* ‘недозрелый, неполноценный хлебный колос’ (Kostcl.), вероятно, относится к плоду, содержащему много клейковины, отсюда связь с гл. **lěpit̩i* ‘лепить, kleить’. Примечательно, что в русских говорах (СРНГ 10, 201) находим очень близкие образования: ср. *залепúга*, *залéпух*, *залепúшка* ‘зеленый, незрелый плод, ягода’ (пск., тул., свердл.), *залепнý* ‘несозревшие ягоды’ (Ср. Урал).

Лексические диалектизмы словенского языка отражают новые линии в семантической эволюции древних славянских основ.

Skorní:na ‘ревматизм’ (Blovšk. 56), не учтенное в словаре Безлай (Bezlaj III, 250), принадлежит к гнезду слав. **skvъrna*.

Bránca ‘продолжение крыши (леса для сушки снопов)’ (Košir 37) производное с суф. *-ica* от *brana* (< **borna*).

Məršč̄i:tę в значении ‘вожделеть, сильно желать’ (Bošk. 43) представляет следующую степень в семантической эволюции словен. *mīščati* ‘продирать (о чувстве)’ (Pleteršnik I, 613).

Kílu ‘слабый’: *kílu vreme* ‘скверная погода’ (Škrlep 33), в словаре Плетеरшника не отмечено употребление этого прилагательного по отношению к погоде (Pleteršnik I, 396).

Srtalo, srto, srtalić ‘небольшая мотыга (для обработки роз)’ (Jakomin 115) в качестве названия орудия семантически дополняет гнездо слов. **sъrtъ*, объединяющее словен. *srtiti se* ‘важничать; со-противляться’ (Pleteršnik II, 565), *srt* ‘рыбья кость’, *srtina* ‘острие, острый конец’, а также макед. *срт* ‘хребет животного’, далее польск. *sierć* ‘щетина’ и т.п. (Bezlaj III, 311).

Рассмотренные лексические диалектизмы имеют разную хронологическую глубину. Богатый лексический материал, предоставляемый диалектными словарями, расширяет наши знания о составе славянских этимологических гнезд и позволяет выявить тенденции в развитии словаобразовательных и семантических процессов в северо-западной Славии.

Примечания

- ¹ Orožen M. Arhaizmi iz jezikovnega obroba v “Potni torbi” Frana Erjavca // Studia in memoria di Neva Godini. Forum, Udine, 2001, 259–272.
- ² Miklosich F. Die Bildung der slavischen Personennamen. Wien, 1860, 184. Однако в его же работе Die slavischen Ortsnamen aus Appellativen (Wien, 1872–1874, 281) идет с пометой “dunkel”.
- ³ Niederle L. Slovanské starožitnosti. Život starých Slovanů III, I. Praha, 1925, 33.
- ⁴ Куркина Л.В. Термины подсечно-огневого земледелия на индоевропейском фоне // Общеславянский лингвистический атлас 1997–2002. М., 2003.
- ⁵ Hrahec. Nazwy geograficzny Huculszczyzny. 1950, 41.
- ⁶ Narodopisje Slovencev. Priredil dr. R. Ložar. Del I. Ljubljana, 1944, 136.
- ⁷ Ślawski F. Polonica w Słowniku etymologicznym języka litewskiego E. Fraenkla // JP XXXIX, 5, 1959, 382.
- ⁸ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия. Перевод с франц. М., 234.
- ⁹ Трубачев О.Н. К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства // ВЯ 1957, № 2; Фасмер III, 278: s. v. *племя* < **ple-men* < **pel*, дополнения О.Н. Трубачева.
- ¹⁰ О других продолжениях и.-е. **pel*- см.: Варбот Ж.Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отлагольных имён. VIII // Этимология 1978. М., 1980, 23–24.
- ¹¹ Torkar S. Nekaj posebnosti iz govora Hudajužne in Oblok na Tolminskem // Traditiones 28/1, 1999, 4.
- ¹² Куркина Л.В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Любляна, 1992, 71.
- ¹³ Калашников А.А. Из этимологических наблюдений над гнездом праслав. **vъrzti* // Общеславянский лингвистический атлас 1991–1993. М., 1996, 300–301.

**Принятые сокращения
использованных диалектных словарей
словенского языка**

Bovšk. – *B. Ivančič.* Diferencialni slovar bovškega govora. Seminarska naloga na magistrskem študiju pri predmetu Dialektologija, zahodni govor. Mentorica doc. dr. Vera Smole. Univerza v Ljubljani. Filozofska fakulteta. Oddelek za slovanske jezike in književnosti. Ljubljana, 2000. Rokopis.

Bovec – Helena Čujec-Stres v sodelovanju z M. Šulinom. Slovar besed bovškega narečnega govora // Pokrajina in ljudje na Bovškem. Zbornik. Uredil dr. Jurij Kunaver. Alpski mladinski raziskovalni tabori. Bovec, 1985–1987. Ljubljana, avgust 1988.

Erjavec – Erjavec Fr. Iz potne torbe // LMS 1, 1880.

Jakomin – Jakomin D. Narečni slovar Sv. Antona pri Kopru. Trst, 1995.

Jakop – Jakop Tjaša. Pavlovo glasoslovje slovenskega cankovskega narečja (s prevodom vokalizma). A – diplomska naloga iz slovenskega jezika. Mentor doc. dr. Vera Smole. Univerza v Ljubljani. Filozofska fakulteta. Oddelek za slovanske jezike in književnosti. Ljubljana, 1998.

Karničar – Karničar L. Der Obir-Dialekt in Karnten. Die Mundart von Ebriach / Obirsko. Wien, 1990.

Kenda – Slovarsko gradivo s Tolminskega. Zbral J. Kenda. Rokopis. Inštitut za slovenski jezik Fr. Ramovša ZRC SAZU. Ljubljana.

Kostel. – Gradivo za kosteljski slovar. Rokopis. Inštitut za slovenski jezik Fr. Ramovša ZRC SAZU. Ljubljana.

Košir – Košir Stanko. B's'dnjak rutarščē'n srenšče špraše. Slovar rutarške in srenške govorice. Rute, januar, 1997.

Novak 1948 – Novak V. Etnografski značaj slovenskega Porabja // Slovenski etnograf I. Ljubljana.

Novak – Novak F. Slovar beltinskega prekmurskega govora. Drugo, popravljeno in dopolnjeno izdajo uredil Vilko Novak. Pomurska založba. Murska Sobota, 1966.

Škrlep – Slovar poljanskega narečja. Sestavil Škrlep Dušan. Poudarke postavil prof. Janez Dolenc. Gorenja vas, 1999.

Tolmin – Čujec-Stres H. Slovar narečnih besed // Dolini Tolminke in Zadlašce. Zbornik. Tolmin, 1993.

Tominec – Tominec I. Črnovrški dialekt. Kratka monografija in slovar. Ljubljana, 1964.

А.А. Калашников

ПОЛЬСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. III*

dzięgwa

В малопольских диалектах (в окрестностях Krakowa, Kęszyce) отмечено существительное *dzięgwa* ‘нарост’: Nańta sosna miała *dzięgwe!* Это слово не вошло в словарь Я. Карловича и в Warsaw-

Предыдущие статьи этой серии помещены в томах: Этимология. 1994–1996. М., 1997 и Этимология. 1997–1999. М., 2000.